

DOI 10.18522/2415-8852-2022-3-127-138

УДК 82.091+ 821.161.1. +
821.163.6 + 821.112.2

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПОВЕСТИ И.В. БОЯШОВА «ПУТЬ МУРИ»¹

Анна Геннадьевна Бодрова

кандидат филологических наук, стипендиатка Фонда Александра фон Гумбольдта (Университет Гамбурга, ФРГ)
e-mail: bodrann@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-8625-6589

Александра Владимировна Елисеева

кандидат филологических наук, стипендиатка Фонда Александра фон Гумбольдта (Университет Трира, ФРГ)
e-mail: elisseeva_alexan@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6911-1927

Аннотация. В статье представлена попытка проследить литературную генеалогию кошачьего персонажа в повести Ильи Бояшова «Путь Мури» (2007). Исходным пунктом размышлений стало наименование главного персонажа произведения. Кличка странствующего по Европе кота в сочинении Бояшова поневоле вызывает у многих читающих ассоциации с одним из канонических произведений немецкой литературы: романом Э.Т.А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра». Помимо созвучия кличек, оба текста обнаруживают еще ряд текстуальных совпадений. Для тех, кто знаком со словенской литературой, кличка кота неизбежно напомнит также персонажа произведения Каэтана Ковича, относящегося к классике детской литературы на словенском языке, – кота Мури из книги «Кот Мури» (“Maček Muri”, 1975). Цитируемые в статье комментарии Ильи Бояшова к своему произведению, содержащиеся в письме, адресованном нам, показывают ошибочность первоначальных гипотез интертекстуального анализа и обнажают его проблематичность в целом. Писатель отрицает влияние Гофмана и Ковича на свой текст и сообщает о том, что наделил своего персонажа кличкой любимого кота философа Н.А. Бердяева. Во второй части статьи содержится сравнительный анализ трех кошачьих персонажей в литературе (гофмановского Мурра, кота Мури Бояшова и кота Мури Ковича). Рассмотрена их функция в репрезентации «своего» / «другого» / «чужого». Если у Ковича кошачьи персонажи изображены преимущественно антропоморфными существами, то у Гофмана и у Бояшова они предстают «другими» или «чужими», во многом знаменуя оторванность человека от природы, его солипсизм, отсутствие возможности выйти за пределы своего опыта, увидеть, услышать, воспринять мир глазами другого живого существа. Печальное-ироническое осознание такой ограниченности во многом определяет культуру модернизма.

Ключевые слова: И.В. Бояшов, Э.Т.А. Гофман, К. Кович, Н.А. Бердяев, интертекстуальность, модернизм, русская литература, немецкая литература, словенская литература

¹ Исследовательницы сердечно благодарят Илью Владимировича Бояшова, Светлану Слапшак и Елку Цигленчки за помощь в исследовательской работе, доцента Российского государственного гуманитарного университета Наталью Георгиевну Полтавцеву, организовавшую в сентябре 2019 г. конференцию «Кошачьи чтения: коты в мировой культуре», а также выражают горячую признательность немецкому Фонду Александра фон Гумбольдта за большую моральную и финансовую поддержку.

В данной статье мы обратились к повести или роману, как определяют жанр некоторые критики, современного русского писателя Ильи Владимировича Бояшова (автор родился в Ленинграде в 1961 г.) «Путь Мури» (2007 г.) (рис. 1).

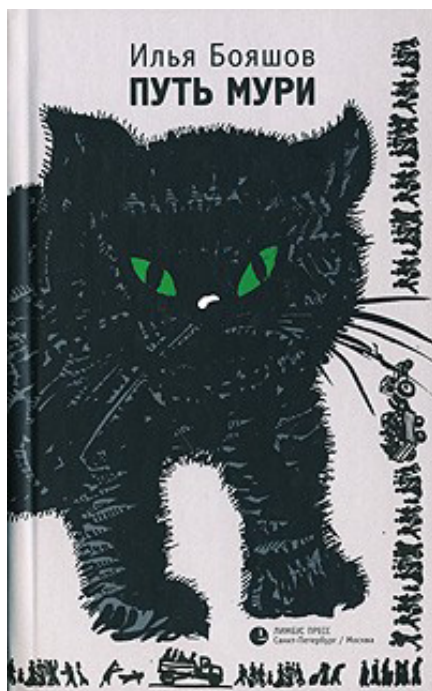

Рис. 1. Александр Веселов. Обложка книги Ильи Бояшова «Путь Мури»: Бояшов И.В. Путь Мури. СПб. – М.: Лимбус Пресс, Издательство К. Тублина, 2009

На наш взгляд, это одно из самых интересных, обаятельных русскоязычных произведений начала XXI в. Нужно сказать, что

направление нашего исследования менялось под воздействием новой информации, и в итоге получилось размышление о превратностях и ловушках интертекстуального анализа, а также попытка наметить путь, стратегию изучения полученного материала.

История кота Мури в произведении Бояшова начинается в Боснии, в Югославии в период ее распада, а именно во время боснийской войны 1992–1995 гг. (называемой также войной в Боснии и Герцоговине). Рассказ о Мури, «молодом наглом коте», начинается с описания идиллической жизни персонажа, которая резко нарушается войной.

«Этот маленький деспот владел своим местом возле кресла, где ему был постелен старый плед и поставлена миска. <...> Крестьянская семья – мать, отец, мальчик и девочка – целиком ему принадлежала и существовала лишь для того, чтобы исполнять его прихоти. Кот ревностно охранял свою территорию, которую знал досконально – от старого колодца до яблонь на краю сада. Кроме того, он по-свойски общался с множеством малых и больших духов, населявших его кусок земли <...>. Так Мури властвовал, так он правил <...> Сладостное безвременье! Все пропало, когда в Югославии началась гражданская война 1992 года» [Бояшов: 20].

Хозяева Мури покидают боснийскую деревню, в спешке оставив там кота. В дальнейшем речь идет о полном превратностей

пути кота по разным странам – охваченным войной землям распадающейся Югославии, по Австрии, Германии, Польше, Литве, Беларуси, Эстонии, России, Финляндии – в поисках утраченного благополучия. Цель кота в том, чтобы вернуть положенный ему плед и миску с молоком: «Мне нужны миска, плед и двуногие, которые бы мне прислуживали» [Там же: 24.]. При этом Мури движет не привязанность к хозяевам, а стремление вернуть потерянные блага. В финале повести кот находит своих хозяев в Швеции:

«К середине августа кот обежал Хельсинки, немолимо приближаясь к цели своего прозаического путешествия. Осенью он обогнул Ботнический залив, в декабре был в Стокгольме, а в мае 1996 года появился на пороге одного из однотипных трехкомнатных барачных домиков под Гетеборгом – именно в подобные дома поселяют вынужденных эмигрантов. <...> Мури вернулся к пледу. Появление вызвало шок и трепет. Мать семейства непрерывно повторяла «Иисусе Христе», отец пребывал в благоговейном оцепенении. Но для прошедшего в комнаты Мури все разом встало на свои места – он тут же нашел кресло и улегся возле него. <...> Мури не ведал сентиментальности. Он положил себе завтра обежать дом и очертить круг нового царства. Что касается дня сегодняшнего – место у кресла ему безропотно обеспечили, молоко он вылакал до капли. <...> В то время как людей трясло, словно в лихорадке, Мури спал. Проснулся царь вполне успокоенным» [Там же: 224–226].

История кота Мури перемежается в повести с рассказом о многочисленных, внешне не связанных друг с другом, людях и животных, находящихся в движении, пути разного рода: кашалот Дик описывает круги в океане, шейх Абдулла на частном самолете отправляется в кругосветное путешествие, старый Яков уводит из Сараево местных евреев, французская спортсменка пытается на утлой лодке переплыть Атлантику, господин Хелемке, несмотря на полученные тяжелые травмы, фанатично стремится к новому восхождению, ученый Пит Стаут упорно заставляет урюпинского гуся Тимошу проделывать математические операции и т. д. Все эти истории переплетаются друг с другом и с историей кота, объединенные темой движения в его различных проявлениях, проблематикой пути – его разных целей, его самоцели и его бесцельности.

При чтении книги у германистов, и не только, наверное, неизбежно рождаются ассоциации с романом Э.Т.А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра» (“*Lebens-Ansichten des Katers Murr nebst fragmentarischer Biographie des Kapellmeisters Johannes Kreisler in zufälligen Makulaturblättern*”, 1819–1821). Закономерно возникает предположение, что кличка «Мури» отсылает к гофмановскому персонажу, у которого, как известно, был реальный прототип – кот писателя Мурр, умерший в возрасте четырех лет. Существуют также примечательные сюжетные, мотив-

ные, языковые параллели двух текстов. Например, в обоих произведениях возникает такая сюжетная линия, как выход кота из дома, его блуждания по незнакомому и опасному для него миру, речь идет о взаимоотношениях с собаками. Мури Бояшова отчасти напоминает Мурра характером: приверженностью к стабильности, уюту, умеренностью своего авантюризма, любовью к вкусной еде и удобной лежанке. Интересны языковые переключки: Мури презрительно именуется людей «двуногие». Это же понятие фигурирует в рассуждениях гофмановского Мурра: люди – это «двуногие создания» (zweibeinige Geschöpfe).

С другой стороны, у читателей из регионов бывшей Югославии название не может не ассоциироваться с классическим произведением детской литературы на словенском языке: книгой «Кот Мури» (“Maček Muri”), опубликованной в 1975 г. Каетаном Ковичем (Kajetan Kovič, 1931–2014), создававшим как детскую литературу, так и произведения для взрослых читателей. Не так давно, в 2016 г., книга о коте Мури Ковича была переведена на русский язык Борисом Еремеевым под названием «Котик Мурчик». В Словении «Кот Мури» известен почти каждому, на этой книге выросло уже несколько поколений, и она, в свою очередь, «обросла» большим количеством интермедийных адаптаций: иллюстрациями Елки Райхман, в свою очередь, ставшими классикой своего

жанра; большой известностью пользуется также рок-проект: Йерко Новак переложил стихи Ковича на песни, которые исполнила рок-певица Неца Фальк. Действие книги, соединяющей прозу и стихи, происходит в кошачьем городе (Котограде), главный герой Мури – писатель, создающий летопись кошачьего города. У него есть подружка – кисонька Маца (“musa Maza”). Многие явления снабжены в книге определением «кошачий»: кошачья еда, кошачьи шутки, кошачья мода, кошачьи дети, кошачья колыбельная, кошачья поваренная книга, кошачий отель, кондуктор, водитель, подружки, кошачья школа, кошачий стадион. В городе есть также кошачья мэрия с мэром Великий кот и кошачье море. Коты и кошки ездят в кошачьих автобусах, ходят в кошачьи рестораны, уезжают в командировку в страну Тигранию, ходят на кошачий стадион смотреть футбол, а после футбола идут на «велико млеко». Обувной магазин называется «У кота в сапогах» (“Pri obutem mačku”). В этом городе есть и свои законы. Например, собаки должны носить намордники, а поскольку собаки не любят намордники, они не появляются в кошачьем городе. Люди в этой книге не фигурируют. Помимо собак упоминаются мыши. Так, мэр города приглашает всех на мышинные гонки и просит публику не есть соревнующихся.

Интересно, что Мури в иллюстрациях к книге представлен как черный кот (рис. 2).

Рис. 2. Елка Райхман. Обложка книги Каетана Ковича «Кот Мури». Kovič K. Maček Muri. Ljubljana: Mladinska knjiga, 2003 [1975]

Существует даже мнение, что под влиянием этих иллюстраций в Словении изменилось

отношение к черному коту – в отличие от разных других стран, черный кот вызывает здесь положительные ассоциации. Так, первый президент Словении Милан Кучан во время предвыборной кампании фотографировался с черным котом (рис. 3)¹.

Рис. 3. Первый президент Словении Милан Кучан с котом²

¹ Исследовательница С. Слпшак, написавшая статью «Кошки рулят» (“Mačke so zakon”), считает, что книга Ковича повлияла на реабилитацию черного кота в словенской культуре. По словам Слпшак, отношение к кошкам (особенно черным) в Европе было не всегда однозначным. Достаточно вспомнить суеверия, сопровождающие черного кота, якобы приносящего несчастье и связанного с темными силами. Если в мусульманских странах к кошкам относились с уважением, то в Европе так было не всегда. Во многом благодаря деятелям культуры отношение к котам изменилось. К персонажам, повлиявшим на эволюцию отношения к кошкам в Европе, относятся, по Слпшак, кот Мурр Гофмана, Кот в сапогах, и, конечно же, кот Мури Ковича [Slapšak].

² Газета «Дело». Delo. 2.11.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.delo.si/kultura/knjiga/biografija-milana-kucana-verjetno-najbolj-napreden-komunist-na-svetu.html> (дата обращения: 1.09.2022).

Саму кличку Мури словенские исследователи связывают с черным цветом кота: слово «мури» обозначает животное черного / темного цвета, является родственным праславянскому *turь* (рус. 'мурый'), которое восходит к индоевропейскому «мауро» 'темный' (ср. латинское существительное *maver*) [Snoj]. Кличка кота «Мури» не может происходить от слова «мурлыкать», поскольку по-словенски 'мурлыкать' – *presti*. Стоит упомянуть, что имя Мури в значении «темный» встречается и в названии другого произведения словенской детской литературы: книги Тоне Павчека (*Ravček Tone*, 1928–2011), друга Ковича, «Юри Мури в Африке» (“*Juri Muri v Afriki*”, 1993), где речь идет о мальчике, не любившем мыться и получившем прозвище «Мури» (чумазый); с помощью волшебных помощников (страуса, курицы, слона) герой попадает в Африку, где, как ему кажется, его никто не будет заставлять мыться. В этом сочинении, которое ныне подвергается критике из-за расистского содержания, очевидна связь имени «Мури» с семантикой темноты, черноты.

При этом с большой степенью вероятности кличка «Мури» у Ковича возникла не без влияния гофмановского персонажа. Словенский автор, изучавший компаративистику и теорию литературы, интенсивно переводивший с немецкого языка художественную литературу XIX и XX вв., издавший, вместе с Нико Графенауэром, в 1998 г. антологию

немецкой поэзии XX в., не мог не знать роман Гофмана. Достоин упоминания также тот факт, что сочинение Ковича еще при его жизни было переведено на немецкий язык Миланом Млачником (*Milan Mlačnik*) под названием «Кот Мурр» [Kovič 1985], что не вызвало возражений автора. Таким образом, можно отметить, что кличка Мури обнаруживает у Ковича как славянские, так и немецкие корни.

Итак, выстраивается такая генеалогия: «Путь Мури» интертекстуально, генетически связан с историей гофмановского кота Мурра, а также с «Котом Мури» Ковича. Это предположение подкреплял и паратекст книги Бояшова: на обложке, выполненной Александром Веселовым, Мури изображен черным, и югославский контекст странствий кота. Можно сказать, что и у гофмановского Мурра, в свою очередь, есть литературные предки, на которых автор сам указывал, в первую очередь Кот в сапогах, в том числе в обработке современника писателя Людвиг Тика (пьеса 1797 г.).

Для подтверждения нашей гипотезы мы написали письмо Илье Владимировичу Бояшову и спросили его, насколько интенциональной является отсылка к «Коту Мурру» Гофмана и «Коту Мури» Ковича, был ли он знаком с этими текстами и какую роль они играли при написании книги. Ответ автора был неожиданным. Процитируем его почти полностью, за исключением этикетных фраз:

«С названием кота все очень просто – у философа Н. Бердяева был кот Мури, который разделял с ним все тяготы немецкой оккупации Франции. Признаюсь так же, что в то время, когда писалась книга, о гофмановском Мурре я не имел ни малейшего понятия, хотя рассказ про Цахеса и другие сказки Гофмана очень люблю – мне потом рекомендовали прочитать именно о коте Мурре. Что касается словенского кота, впервые я о нем слышу от Вас. Впрочем, в этом нет ничего удивительного – такое происходит сплошь и рядом: что там имя! зачастую сразу нескольким авторам приходит в голову одна и та же идея. Как пример – мелодия Гимна России (СССР), которая одинаково (в начале) звучит у Василия Калинникова в его «Былине» и у Александра, хотя эти два композитора стопроцентно между собой не пересекались. Былину (написана в начале двадцатого века) нашли в архивах только в 50-е годы – Александров о ней знать попросту не мог. Такие вот интересные вещи» [Письмо И.В. Бояшова А.В. Елисейевой и А.Г. Бодровой от 16.08.2019 г.].

Итак, письмо Бояшова частично разрушило нашу конструкцию, но вместе с тем указало на источник вдохновения автора: бердяевского кота Мури. О нем Бердяев пишет в своей автобиографической книге «Самопознание» (закончена в 1947 г., опубликована после смерти философа):

«Я очень редко и с трудом плачу, но, когда умер Мури, я горько плакал. И смерть его, такой очаро-

вательной Божьей твари, была для меня переживанием смерти вообще, смерти тех, кого любишь. Я требовал для Мури вечной жизни, требовал для себя вечной жизни с Мури. Я долгое время совсем не мог о нем говорить. Я все время представлял себе, что он прыгает ко мне на колени. Когда мы громко читали по вечерам, то Мури любил быть с нами, он всегда являлся, хотя бы спал в другой комнате, и прыгал ко мне на колени» [Бердяев: 339].

Речь идет о смерти Мури в 1944 г. Разрушение нашей изначальной концепции дает также импульс к размышлениям о том, что объединяет и / или различает трех котов Мури, Мури и Мурра. Видится продуктивным осмыслить эту проблематику в рамках теории «другого» / «чужого» в различных ее изводах, а также использовать концепцию большого модернизма, как ее излагает немецкий ученый С. Виетта. Одним из истоков модернистского сознания, который Виетта датирует концом XVIII в., стал, по его теории, солипсизм человека, оторванного от прочих творений природы, живых существ и замкнутого на себе. Модернистское искусство, являясь реакцией на такой разрыв, делает его предметом репрезентации и выражает трагическое ощущение его непреодолимости [Vietta: 39–52]. В текстах Бояшова и Гофмана, о которых идет речь в статье, также присутствует данный смысл – непостижимость и недостижимость другого – кошачьего – мира.

Хотя широко распространенная, «каноническая» интерпретация гофмановского Мурра видит его самодовольным обывателем, не сомневающимся в своей гениальности, противоположностью мятущемуся Крейслеру, представляется, что этот персонаж имеет и иные стороны. Одной из них является обладание кошачьим опытом, который невыразим на человеческом языке и недоступен человеческому опыту. В романе идет речь об ограниченности человеческого языка и опыта. Например, кот Муций говорит о том, что люди несправедливо связали состояние похмелья с кошками (имеются в виду слова *Kater, Katzenjammer*). В то же время в тексте постоянно присутствуют описания кошачьей речи: *schnurren, langgedehntes Miau* и т. д. Примечательна и беседа Абрагама и Крейслера о сознании животных в начале романа, признание невозможности заглянуть в мир кота.

«Когда я гляжу на этого премудрого кота, – сказал Крейслер, – то с огорчением думаю о том, сколь узок круг наших познаний. Кто может сказать, кто может определить пределы способностей, присущих животным? Если для нас многое или скорее даже почти все в природе остается недоступным исследованию, то у нас всегда под рукой готовые ярлычки, так что мы неизменно кичимся своей пустопорожней школярской премудростью, хотя с ее помощью видим не дальше собственного носа» [Гофман: 43].

В рамках романа, где не только Крейслер демонстрирует ограниченность Мурра, но и Мурр явно пародирует композитора, процитированное высказывание Крейслера можно интерпретировать как средство самоиронии автора текста – Гофмана: оно представляет в ироническом свете сам факт изложения «житейских воззрений кота», которое может быть ничем иным, как всего лишь проекцией ограниченного человеческого сознания, приписывающего коту собственные аффекты и идеи. Кошачий мир, кошачья жизнь оказываются недоступными человеческому познанию, а всякое их изображение неизбежно содержит антропоцентрические проекции и тем самым носит антропоморфный характер.

Подобное признание ограниченности человеческого познания присутствует и в книге «Путь Мури». В отличие от произведения Гофмана, текст Бояшова усиливает инаковость кота: для современного европейского сознания кот предстает циничным, жестоким, прагматичным, он не ценит помощь людей и духов, презирает «двуногих», которых считает своими слугами. В то же время кот общается с миром духов, домовых, демонов войны. Например, в каждом доме, изображенном в повести, есть домовый со своим характером. Невидимый для людей, он вступает в контакт с котом. Особенность кошачьего сознания проявляется и в понимании пути: в отличие от людей, которые

отправляются в дорогу, повинувшись темным импульсам, и движение которых часто не имеет конца, цели, кот стремится к ограниченной и материальной цели: своей миске, пледу и двуногим слугам. Ни та, ни другая модель не идеализированы в произведении. Так, бесконечные темные стремления людей, их путь порождают и открытия, и войны. И, как и в книге Гофмана, изображение кошачьей психологии подвергается у Бояшова иронической релятивизации, ее средством является среди прочего введение эпизодов бесконечной полемики двух ученых мужей: Пита Стаута, наделяющего животных сознанием, и Франсуа Беланже, отрицающего этот факт.

«Беланже категорически выступил против попыток своего врага приписать зверям и птицам хоть какую-то осмысленность движения. «Нужно дойти до крайней степени наивности, – бушевал он в статье ‘Глупость или идиотизм’ (журнал ‘Философский вестник’, май 1967 г.), – чтобы признавать за остальной природой то, чем Господь одарил только человека. <...> Уму непостижимо, когда люди, имеющие ученые степени, находясь в здравом рассудке, начинают вдруг рассуждать (и где! на страницах научной печати, в уважаемых журналах) о том, что муравьев и леммингов гонят в дорогу человеческие желания!» [Бояшов: 16–17].

При этом полемика ученых мужей о границах человеческого и животного так и не

получает разрешения, каждая точка зрения оказывается ограниченной, недоступной другому, как непроницаемо все, что находится за пределами своего кругозора:

«5 мая 1996 года Беланже пил крепкий кофе у себя в кабинете, наблюдая редкие красноватые облака и предвкушая появление звезд. <...> Он и не подозревал, что происходит на расстоянии тысяч миль от его убежища. А случилось вот что: Стаут направился на коллоквиум в Токио, кашалот начал новый круг, а Мури вернулся к пледу» [Там же: 225].

Можно говорить о том, что изображение «другого», а именно кота, в произведениях Гофмана и Бояшова отмечено самоиронией, проистекающей из осознания невозможности проникнуть в его мир. Кошачий мир предстает в своей антропоморфности или инаковости только как проекция авторского сознания, ограниченного человеческим опытом.

В свою очередь, детская книга «Кот Мури» с осознанной и специфической для этого вида литературы наивностью создает антропоморфный мир котов (даже блюда, которые едят коты, взяты из человеческого меню), в нем присутствуют только отдельные элементы, отличающие кошачий город: вражда с собаками и мышинные гонки. При этом книга представляет собой своего рода «реабилитацию» черного кота в культуре.

Таким образом, опыт конструирования кошачьего мира то как «своего», то как «другого» / «чужого», то его адаптация к человеческому, то изображение его инаковости и осознание тщетности попыток проникнуть в мир кота присутствуют в текстах от XIX до XXI в., создавая пространство напряжения между наивным антропоморфизмом и иронической критикой антропоцентризма.

Литература

Бердяев, Н.А. Самопознание. М.: Книга, 1991.

Бояшов, И.В. Путь Мури. СПб.; М.: Лимбус Пресс, Издательство К. Тублина, 2009.

Гофман, Э.Т.А. Житейские воззрения кота Мурра вкупе с фрагментами биографии капельмейстера Иоганна Крейсера, случайно уцелевшими в макулатурных листах / пер. с нем. А. Голембы. М.: Время, 2018.

Кович, К. Котик Мурчик / пер. со словен. С. Еремеева. М.: Мир и образование, 2017.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-8049.htm> (дата обращения: 5.09.22)

Hoffmann, E.Th.A. (2018). *Lebens-Ansichten des Katers Murr*. М.: T8Rugram.

Kovič, K. (1985). *Kater Murr* (M. Mlačnik, Trans). Hersching: Manfred Pawlak Verlagsgesellschaft.

Kovič, K. (2003). *Maček Muri*. Ljubljana: Mladinska knjiga.

Slapšak, S. (2014, May 3). *Mačke so zakon*. Večer. Retrieved from: <https://www.vecer.com/201405036024928-6024928> (date of access: 5.09.22).

Snoj, M. (2015). *Slovenski etimoloski slovar*. Ljubljana: ZRC SAZU. Retrieved from: <https://fran.si/193/marko-snoj-slovenski-etimoloski-slovar/4289086/muren?View=1&Query=muri&referencedHeadword=m%20ri> (date of access: 5.09.22).

Vietta, S. (1992). *Die literarische Moderne. Eine problemgeschichtliche Darstellung der deutschsprachigen Literatur von Hölderlin bis Thomas Bernhard*. Stuttgart: Metzler.

References

Berdyayev, N.A. (1991). *Samopoznaniye* [Self-Knowledge]. Moscow: Kniga.

Boyashov, I.V. (2009). *Put' Muri* [The Way of Muri]. Saint Petersburg, Moscow: Limbus Press, Izdatel'stvo K. Tublina.

Fasmer, M. (2022). *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Retrieved from: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-8049.htm> (date of access: 5.09.22).

Hoffmann, E.Th.A. (2018). *Lebens-Ansichten des Katers Murr nebst fragmentarischer Biographie des Kapellmeisters Johannes Kreisler in zufälligen Makulaturblättern* [The life and

opinions of the tomcat Murr] (A. Golemba, Trans.). Moscow: Vremya.

Hoffmann, E.Th.A. (2018). *Lebens-Ansichten des Katers Murr* [The life and opinions of the tomcat Murr]. Moscow: T8Rugram.

Kovič, K. (1985). *Kater Murr* (M. Mlačnik, Trans.). Hersching: Manfred Pawlak Verlagsgesellschaft.

Kovič, K. (2003). *Maček Muri* [Muri the Cat]. Ljubljana: Mladinska knjiga.

Kovič, K. (2017). *Maček Muri* [Muri the Cat] (S. Eremeyev, Trans.). Moscow: Mir i obrazovaniye.

Slapšak, S. (2014, May 03). Mačke so zakon [Cats are cool]. *Večer* [Evening]. Retrieved from:

<https://www.vecer.com/201405036024928-6024928> (date of access: 5.09.22).

Snoj, M. (2015). *Slovenski etimoloski slovar* [Slovenian etymological dictionary]. Ljubljana: ZRC SAZU. Retrieved from: <https://fran.si/193/marko-snoj-slovenski-etimoloski-slovar/4289086/muren?View=1&Query=muri&referencedHeadword=m%c8%97ri> (date of access: 5.09.22).

Vietta, S. (1992). *Die literarische Moderne. Eine problemgeschichtliche Darstellung der deutschsprachigen Literatur von Hölderlin bis Thomas Bernhard* [The literary modern. A problematic and historical presentation of German-language literature from Hölderlin to Thomas Bernhard]. Stuttgart: Metzler.

Для цитирования: Бодрова А.Г., Елисеева, А.В. Интертекстуальный аспект повести И.В. Бояшова «Путь Мури» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 3. С. 127–138. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-3-127-138

For citation: Bodrova A.G., Eliseeva, A.V. (2022). Intertextual Aspects of Ilya Boyashov's "The way of Muri". *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 7(3), 127–138. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-3-127-138

INTERTEXTUAL ASPECTS OF ILYA BOYASHOV'S "THE WAY OF MURI"

Anna G. Bodrova, PhD, holder of fellowships of the Alexander von Humboldt Foundation, University of Hamburg (Hamburg, Germany); e-mail: bodrann@gmail.com

Aleksandra V. Eliseeva, PhD, holder of fellowships of the Alexander von Humboldt Foundation, University of Trier (Trier, Germany); e-mail: eliseeva_alexan@mail.ru

Abstract: The article presents an attempt to trace the literary genealogy of the cat character in Ilya Boyashov's story "The Way of Muri" (2007). The starting point for reflection was the name of a cat wandering around Europe in Boyashov's work, which unwittingly causes many readers to associate it with one of the canonical works of German literature: E.T.A. Hoffmann's novel "The Life and Opinions of the Tomcat Murr" (1819–1821). In addition to the resemblance of names, both texts reveal a number of textual coincidences. For those who are familiar with Slovenian literature, the name of the cat will inevitably also remind of the character in the work of Kajetan Kovič, which belongs to the classics of children's literature in Slovenian – the cat Muri from the book "Muri the Cat" ("Maček Muri", 1975). Ilya Boyashov's comments to his work, quoted in the article, contained in a letter addressed to the authors of the article, show the fallacy of the initial hypotheses of intertextual analysis, and expose its problematics in general. The writer denies the influence of Hoffmann and Kovič on his text and reports that he endowed his character with the name of the beloved cat of the philosopher N.A. Berdyaev. The second part of the article contains a comparative analysis of three cat characters in literature (Hoffmann's Murr, cat Muri of Boyashov, and Muri of Kovič). Their function for the representation of "Own" / "Other" / "Strange" is considered. If Kovič depicts feline characters as predominantly anthropomorphic creatures, then in Hoffmann's and Boyashov's stories they appear "other" or "strange", in many ways signifying a human's isolation from nature, his solipsism, the inability to go beyond his experience, to see, hear, perceive the world through the eyes of another living being. The tragic awareness of such limitations largely determines the culture of modernism.

Key words: Ilya Boyashov, Ernst Theodor Amadeus Hoffmann, Kajetan Kovič, Nikolai Berdyaev, intertextuality, literary modernism, Russian literature, German literature, Slovenian literature

